

Лемещенко П. С. Предисловие. Мировая экономическая наука и хозяйственная практика в 21 веке. – В сб.: Методология экономической науки, Или как познать мир-экономику / научн. ред П.С. Лемещенко. – Минск, 2013. С. 4-28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Людзям заўсёды патрабавалася шмат часу дзеля таго, каб здзейсніць што-колечы значнае. Мы бачым, што заканадаўцамі, якія далі доўгае жыццё сваім творам, былі якраз тыя, хто меў сабе на мэце дабрабыт народа і хто лепш за ўсё спасцігаў народную мудрасць і з яе дапамогай практычна кіраваў заканадаўчай дзейнасцю сваіх урадаў.

С. М. Аскерка, саветнік караля Прусакага Фрыдрых II, ураджэнец Наваградка, які вучыўся ў Слуцку. 1760 г.

Люди, относящиеся с полным презрением к теории, тем не менее, не колеблясь, извлекают из нее постоянные выгоды.

А. Пуанкаре

Кризисные ситуации значительно усиливают востребованность экономической науки. По крайней мере, на стадии не разрушения, а на стадии действительного желания и уже объективной необходимости сформировать новую более эффективную систему хозяйствования. Это с одной стороны. С другой – с очевидностью высвечивают недостатки и противоречивость теоретических разработок, логические парадоксы, которые ранее почему-то не замечались. Это можно проиллюстрировать как на примере истории эволюции западной экономической науки, так и судьбы политической экономии социализма. Критические вехи реальной мировой экономической истории с очевидностью убеждает, что выйти из этих острых кризисных ситуаций можно только выработав новую идею. А последняя возможна лишь тогда, *когда люди понимают как происходит процесс выработки и получения приращенного, нового знания.*

Однако при мнимой или действительной востребованности теоретических разработок, упускается из вида то обстоятельство, что экономическая наука представляет собой специфическую форму сознания и имеет особенности *«производства продукта», оценки его потребительских свойств, алгоритм использования, свою траекторию и циклы развития.* Здесь важные проблемы чередуются с лжепроблемами, а перспективные идеи с мифами, выверенные законы с догмами. И отдельные зерна от плевел достаточно не просто. Инвентаризация же идей и полная рефлексия теории осуществляются крайне редко. Чем глубже и обширнее перемены затрагивают пласты общественных и экономических отношений, условий хозяйствования, тем более радикальный пересмотр требуется в структуре научного экономического знания, доходящий до парадигмального основания теории. Впервые как гром среди ясного неба прозвучало откровение высшего партийного руководства СССР в начале 80-х годов прошлого века, когда было сделано заявление о том, что «мы не знаем того общества, в котором мы живем», после чего начался поиск новой идеи необходимости обновления социализма на новой политико-экономической платформе.

Современный уровень мирового социально-экономического развития представляет собой противоречивый итог как *научно освоенных действий* хозяйствующих субъектов, так и *стихийного начала* функционирования сложной многоуровневой политико-экономической системы. Анализ теории и хозяйственной практики как *единого целого* позволяет заключить, что между ними образовалась *устойчивая дихотомия*, в результате чего экономическая наука теряет присущие ей свойства, а хозяйственные процессы приобретают неустойчивый и неуправляемый характер.

Острота дискуссий *после системных преобразований* вновь приобретает особую актуальность, поскольку так называемый *переходный период* затянулся на неопределенный срок, а его результаты оказались крайне скромными по сравнению с ожиданиями абсолютного большинства населения постсоциалистических государств. Рубеж нового века представляет кроме всего прочего именно такую ситуацию, когда накопленная критическая масса практических и теоретических изменений, предполагает не только активизацию исследовательской работы с ее легкой модификацией, но активное формирование *новой более плодотворной теории о современной хозяйственной деятельности* с ее сложной полицентричной, многополярной и динамичной направленностью, приобретшей к тому же нелинейный, дискретный, неопределенный и неустойчивый характер.

Внимание к экономической науке со стороны политиков, практиков крайне неустойчиво: в благоприятные периоды ее забывают, но востребованность ее разработок значительно усиливается во времена экономических кризисов и других тяжелых проявлений социально-экономического развития. Причем требуется, чтобы научный анализ, обобщения, выводы, оценки и рекомендации были сделаны в оперативном режиме, отвечая на запросы современности. Однако при этом забывается то весьма важное обстоятельство, что экономическая наука как специфическая форма сознания и деятельности имеет собственную траекторию развития со своими взлетами и падениями, истинными и ложными проблемами, перспективными идеями и мифами, своими циклами в эволюции категориального аппарата, адекватным инструментарием анализа. «Семена науки, — говорил Дж. Бернал, — не всходят и не растут, пока общественная почва не будет подготовлена для них экономической деятельностью»¹. Особенно это важно для гуманитарного знания, среди

¹ Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956, с. 662.

которого экономическое занимает весьма значимое, если не сказать определяющее место. Последнее обстоятельство связано прежде всего с теми функциями, которые возлагаются на экономическую науку в силу ее особенных свойств.

Кроме традиционных эвристических задач экономическая наука оказывает огромное влияние на разнообразную реальную действительность, как через политико-экономические институты, так и через ту информацию, которую впитывают хозяйствующие агенты, политики, простые потребители и которой они руководствуются в своем поведении и при принятии решений. Но дело в том, что прошлое знание, которое возможно ранее и было верным, в силу естественного, иногда крайне стремительного развития событий теряет свою значимость по элементарной причине несоответствия с реальностью. Заметить же это несоответствие с точки зрения обычной информации в новой ситуации бывает крайне трудно. К сожалению, как показывает история науки и самой хозяйственной практики, этот пересмотр, как на общественном, так и на индивидуальном уровне происходит тяжело и противоречиво под весьма жестким давлением обстоятельств, называемых экономическими кризисами, потрясениями или перестройками. И тогда трагедии судеб отдельных людей, обусловленные необходимостью пересмотра ими своих мировоззренческих позиций, формируют лишь определенный этап экономического цикла с его сухими экономическими показателями. Но если материальной основой цикла является обновление стержневого элемента в условиях воспроизводства (например, основного капитала на стадии развития промышленного капитала), то смена парадигм экономической науки выступает основой преодоления цикла теоретического. Безусловно, его преодоление очень специфическое, что вполне объяснимо особенностью этой сферы деятельности. Надо отметить, что выход на новую траекторию познания социально-экономической действительности происходит более противоречиво и болезненно, чем, например, выход из реального экономического цикла. Одна из причин этого положения — отсутствие в экономической науке такой традиции, алгоритма познания, как саморефлексия процесса познания и научных выводов.

Мир науки, в данном случае экономической, будет отвечать своему названию и назначению, лишь при соответствии в той или иной мере миру реальному, экономическому. Мера их несоответствия отражает степень погрешности человеческого знания. Полной же идентичности, на наш взгляд, быть не может по простой причине динамичности, как практики, так и теории экономики. Но важно было бы для самоуверенного «экономического человека», создавшего своим неадекватным для природы и общества хозяйствованием немалое количество уже признанных и еще только намечаемых проблем, видеть и осознавать *относительность* своего знания и прогнозировать гносеологическую погрешность. Речь в данном случае можно вести о *метатеории экономической науки*, поскольку последняя накопила уже достаточный критический материал для своего осмысления. Но возможность выявления общих закономерностей науки, процесса получения не фрагментарного, а *целостного системного знания* (!) возможна лишь на междисциплинарном стыке различных других наук, включая и естественные, технические, политические и пр. И хотя шаги к этому делаются, однако проблема обобщения выводов частных направлений, царящих в экономической теории, в целостное знание далеко не проста как, может это показаться на первый взгляд.

Чтобы преодолеть «дефект знания», возникший в экономической науке где-то к середине 80-х гг. XX в., требуется не только выявление и глубокое осознание существующих в ней самой проблем, но и понимание феномена науки в целом, ее места и значения в противоречивом процессе познания. В этом смысле необходимо, как это делалось и ранее в критические для истории и науки времена, приблизить экономическую теорию к философии. К сожалению, последняя констатирует крайне слабую методологическую и гносеологическую разрешимость. Но обращение к философии экономики, к инструментарию теоретического анализа, уже зафиксировавшим себя в процессе теоретического познания, позволяют выявить тот дискурс, который может стать в основе следующего нового направления экономической мысли. И хотя его признание, отработка в непосредственном практическом использовании научных исследований является делом непростым и длительным, все же это лучше, чем находиться в плену созданных иллюзий и абстракций, лишенных сколько-нибудь значимого теоретического и практического смысла. «История экономической мысли полна подобных примеров, — пишет М. Блауг, — и ничего не добиться, коллекционируя плоские обобщения о взаимосвязи между ценностными суждениями отдельных экономистов и качеством их теоретической работы. Пропаганда и идеология присутствуют всегда, но ... экономическая наука всегда цепляется за предрассудки вчерашнего дня»¹.

Конечно, прогресс в экономической науке есть. Но, во-первых, его признание еще не носит массового характера, поскольку «mainstream» теории пронизан философией и инструментарием позитивистского утилитаризма. Во-вторых, это признание часто принимается в имплицитной форме. В-третьих, вековая история эволюции экономической науки не принесла значимых изменений в фундаментальных идеях и теориях². В-четвертых, полное проникновение новых исследовательских программ возможно тогда, когда каждая система категорий, понятий, законов, моделей и схем найдет свое место в идеально отраженном мире реальной картины сложившейся на сегодняшний день целостной и сложной системы «мир-экономики». Полицентричный и динамичный экономический мир, полагаем, нуждается в таком же многостороннем подходе, контуры которого уже имеют явственные очертания с тем продуктивным приростом нового знания, в котором сегодня нуждаются все — от правящих миром и национальными государствами элит до рядовых обывателей. Сегодня гораздо лучше и выгоднее знать, *что надо и возможно* знать, *где* получить это новое знание, нежели только догадываться о его существовании. Поэтому и начинающим, и более зрелым исследователям надо не только помнить об этом, но и реально использовать, чтобы обеспечить хотя бы небольшой «прирост» знания о том сложном мире, в котором мы сегодня живем. Думается, первые шаги начинающих теоретиков, которые делают первые

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994, с. 5.

² Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001, № 2, с. 73-107.

шаги в исследовательский мир, будут полезны не только им самим, но и другим, понимающим под наукой не некий конечный результат, а процесс активного и постоянного освоения действительности.

*Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики
П. С. Лемещенко*

П. С. ЛЕМЕЩЕНКО

Мировая экономическая наука и хозяйственная практика в XXI веке

Сегодня нет ни одной страны, которая бы серьезно не задумывалась над своим будущим. Поиски выхода из сложившихся больших и малых проблем осуществляются в различных направлениях. При кажущемся многообразии все их можно объединить в две большие группы: первую, лежащую в плоскости национальных факторов разрешения проблем, и вторую — на международном уровне. Причем внешние условия практически для всех государств являются предопределяющими. Никто не станет отрицать регулятивных действий различных международных организаций, влияющих на внутреннюю национальную экономическую политику, валютных курсов и пр. Таким образом, правильное понимание мировых тенденций социально-экономического развития, верная оценка своего места в сложившемся «мировом экономическом порядке» дает возможность выбрать и правильный ориентир в национальной экономической политике, определив как стратегию, так и тактику решения глобальных и частных задач.

Дать объективную, полную и всеохватывающую оценку мировой экономики — дело архиважное и сверхсложное, поскольку это требует использования всевозможных количественных и качественных показателей. Но фактом остается то (!), что только те страны, которые доверившись ученым с их реальной оценкой объективных мировых политико-экономических тенденций, смогут быть впереди с реальными внутринациональными успехами.

В объективной оценке мировых очень разных и противоречивых процессов существует и гносеологическая проблема. Всегда есть опасность подходить к мировым процессам с позиций ученого-исследователя, проживающего в той либо иной стране, т.е. существует так называемый региональный, страновой ограничитель, барьер. Кроме того, в анализе мировых событий преобладает оптимистический или пессимистический подходы, когда успехи/неуспехи одних стран распространяются на все остальные страны. Это делается хотя и не правильно, если следовать главной задаче науки — эвристической, но не всегда искренне, находясь под влиянием определенных интересов и сил давления. Иначе говоря, конкуренция в умах сегодня предшествует конкуренции реальной. Право на такую конкуренцию имеют далеко не все участники, формирующие образ и институции поведения современной экономики.

Дело в том, что параметры поведения, нормы и образы морали и экономической эффективности, принципы распределения и пр. вначале задает наука в целом и экономическая в частности, имеющая во все времена мощный идеологический импульс влияния. Последняя, например, своими теориями и «теориями» определяет рамки и *содержание экономического мышления*, а, следовательно, и поведения. Она, как правило, сохраняя прежние эвристические традиции, всегда новыми идеями и теориями находила более эффективные пути разрешения сложившихся проблем. Но она может очередной «моделью», «теорией» создать *очередную финансовую пирамиду*, спровоцировав «научными прогнозами» о росте рисков кризис. А в кризисе, как известно, одни проигрывают, и их большинство, а другие выигрывают. И их меньшинство. Сегодня так «работает» мировая экономика. Как отмечает Нобелевский лауреат М. Алле, теория международной торговли, которую навязывают сторонники либеральной либерализации, лжива и не выдерживает научной критики¹. Но этого не замечают не только руководители, регулирующие международные отношения, но и те, которые механически транслируют учебные пособия по мировой экономике.

Итак, аспект теоретического освоения всех старых и новых проблем, как мы уже убедились, выходит на первое место. Именно с него может получить старт новый этап в истории мировой экономики и национальных государств. Метод проб и ошибок должен уйти в историю. Но предварительно, под углом зрения мировых тенденций выясним, *что и как* влияет на изменения в экономической науке.

Во-первых, критически оценивая прошлое и заглядывая в будущее, нельзя не отметить того, что конечным итогом всего мирового исторического развития явилось обсуждение на заседании «Римского клуба» в 1968 г. всего комплекса накопившихся к этому времени острейших противоречий, которые в последующем стали обсуждаться как глобальные проблемы. Начатое здесь и стремительно продолженное в последующем их всестороннее изучение полностью подтвердило, по сути дела, крах технократического мышления и таким образом завершился триумф индустриализма. Обнаружилась тупиковая ситуация, поскольку рухнула предпосылка, на которой основывалась технологическая экспансия — представление о неисчерпаемости природных ресурсов и безграничных возможностях природы к восстановлению нарушенного общего равновесия. В свою очередь возникшее несколько ранее противоречие в так называемой «чистой экономической науке» также проявило себя в полной мере, выразившись в устранении жесткой детерминированности таких факторов производства, как «техника — человек» и смене приоритетов в сфере мотивации его общественно-трудовой деятельности.

Глобальные проблемы, с которыми столкнулось человечество, называют иногда «кризисным синдромом всемирного развития», подразумевая при этом целое множество таких беспрецедентных кризисов, как экономический, энергетический, продовольственный, демографический, сырьевой, экологический и даже социально-психологический. То есть, говоря словами О. Тоффлера, это кризис не капиталистический или социалистический, а индустриально-технократический, в котором весьма настойчиво ставится под сомнение необходимость существования традиционной основы общества с его целями, стремлением к экономическому росту, культурой, моралью, устоявшимися экономическими принципами, традициями, научными критериями. Главная особенность текущего момента в том, что эти фундаментальные проблемы с поразительной остротой обнажили все сразу и одновременно. Даже З. Бжезинского, который всегда свято верил в гибель коммунизма и неизбежность западноевропейской цивилизации со всеми ее основами и атрибутами, происходящее в мире, дополненное стремительными событиями в Восточной Европе, привело в смятение и состояние большой неуверенности перед будущим¹.

Признание «всеобщего кризиса» экономической наукой в целом дает возможность не оказаться снова безоружным и беззащитно растерянным перед лицом совершенно новой цивилизации в широком смысле этого слова и требует построения, по мнению таких научных авторитетов, как Дж. Нэбит и Ё. Масуда, абсолютно новой научной парадигмы, свободной от традиционных концепций и конструкций¹.

Для экономистов постсоциалистических стран расширение угла зрения наверняка подтолкнуло бы к отказу, как от старых, так и уже приобретенных догм, которые ни на йоту не продвигают освоение научной истины изменяющейся нашей действительности, а, скорее, уводят в сторону от нее или просто запутывают даже несложные для понимания вопросы. Ведь довольно явственно в массовом масштабе проявляется тот же общепризнанный научный стандарт с точностью до наоборот: черты хорошего социализма заимствуются еще более лучшим рынком, частная же собственность приобрела, пожалуй, совершенно неожиданные даже для ее вековых владельцев все лучшие преимущества собственности общественной, а «условия перехода к социализму, коммунизму» довольно просто, если не сказать примитивно и бессмысленно, заменяются «условиями перехода к рынку».

Предлагаемые на сегодняшний день в республике ориентиры типа «рынок» и критерии — «как в цивилизованных странах» в лучшем случае могут быть признаны как рабочие, поисковые варианты политэкономической стратегии, так же как и прозвучавшее спустя год после прихода новой власти откровение о рыночном социализме, ждущее, видимо, своего часа для обсуждения.

Во-вторых, за последние 50-60 лет произошли, можно сказать, коренные изменения в субординации национальных и международных экономических отношений. Торговля, выступив исходной формой образования мирового хозяйства,

¹ *Allais M.* L'Union europeene, la mondialisation et le cho mage // Rev. des Sciences morale et polit. P., 1998, N 2. S. 65-66.

¹ *Бжезинский З.* Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI века // США: Экон. Полит. Идеол, 1994, № 4-5.

¹ *Masuda Y.* The information Society as Post-Industrial Society. Warszawa, 1981, p. 72; *Naisbitt I.* Megatrends. N. Y., 1982.

через жесткую конкурентную борьбу, но не без успеха, была дополнена соответствующими формами производительного капитала, которые закрепили интернациональные связи и превратили мировое сообщество в действительную систему. Международные экономические отношения из вторичных превратились, таким образом, в первичные со всеми вытекающими отсюда последствиями. Территориальный национальный суверенитет заменяется понятием функционального суверенитета, предполагающим передачу части функций отдельных государств вновь образованным наднациональным органам. Созданные соответствующие международные политические, экономические, военные и другие институты стали в конечном итоге определять цели и многие параметры национального развития. Сейчас ни одно государство и даже, пожалуй, ни один гражданин той или иной страны не могут себе представить свои права, возможности, свое положение и доходы (настоящие и будущие) без валютных курсов, таможенных правил, мировых цен. Следовательно, и экономическая теория, традиционно базировавшаяся на соответствующих национальных стоимостных категориях, по существу, утратила во многом свою историко-логическую самостоятельность и значимость. Характерное для рынка взаимодействие спроса и предложения, а также им сопутствующие категории по нисходящей пронизаны разного рода международными регулирующими политико-экономическими и правовыми актами. Известная смитовская «невидимая рука», правда, не стала более видимой и не только из-за усложнения общественных отношений и взаимосвязей, но и благодаря влиянию довольно мощного идеолого-пропагандистского аппарата, который искажает и без того необычайно слабый для данного уровня общественного развития инструмент познания экономической науки.

По поводу трансформации самой экономической науки, когда доминирующим из множества факторов общественного развития выступил фактор НТР, писал еще в 50-е гг. Ж. Фурастье: «... нет ни одного раздела политической экономии, которые не должны были бы быть пересмотрены под углом зрения технического прогресса»¹. Несколько позже, когда за пределами экономической науки постоянно оставались уже другие необычайно важные вопросы социально-экономической системы, эту же проблему поднятия самой экономической науки на новую ступень подчеркивал и один из исследователей современного общества П. Икинз: «... Экономическая наука зашла в тупик, инструментарий ее притупился... Необходимы новый старт, разработка экономического подхода, который соответствовал бы науке, технологии, ценностям и отношениям конца XX века»².

Экономисты, обществоведы постсоциалистического пространства также, видимо, еще помнят известный тезис 80-х г. о непознанном социалистическом обществе, в котором мы живем, официально как бы открывшем многочисленные дискуссии относительно научного аппарата экономической и других гуманитарных наук, перспектив и концепций будущего. Эти малопродуктивные, по нашему мнению, дискуссии были прекращены стремительными политическими событиями и официально поставленной и безропотно неосмысленно принятой новой установкой — «альтернативы рынку нет», что не избавило, впрочем, от необходимости думать и анализировать еще более напряженно. Поэтому, реанимируя смитовские идеи с его свободной конкуренцией и «невидимой рукой», стихийно управляющих экономической ситуацией, нельзя не замечать того важного обстоятельства, что это уже «международная невидимая рука», формирующая правила поведения и корректирующая иногда очень жестко и властно чьи-то отклонения от установленного, например, «нового экономического порядка». В этой части рассуждений можно лишь напомнить в силу достаточно широкой известности о таких факторах, как монополии и государство, которые еще значительно раньше не только во многом изменили традиционную экономическую систему, но и трансформировали классическую экономическую науку. Ни одни даже самые «чистые» экономические рассуждения в нынешних условиях жесткой взаимосвязи не будут иметь абсолютно никакого смысла, если не сделать допущений типа «при прочих равных условиях», т. е. пренебречь мощным влиянием государства, крупных корпораций и многочисленных интернациональных организаций. Возникшее мировое хозяйство с его многонациональным бизнесом прежний предмет кейнсианского анализа — управление национальным спросом, — дополняет необходимостью синтеза с управлением совокупного предложения, далеко выходящего за привычные национальные рамки экономического роста.

В свою очередь снизилась эффективность традиционной денежной, фискальной и валютной политики с ослаблением доверия к экономическим процессам. Но именно в таких довольно сложных социальных и экономических взаимосвязях, значительно расширяющих объект анализа, если говорить словами В. Леонтьева, может еще только наступить «золотой век» экономической науки¹. Это интересное замечание уважаемого мэтра.

В-третьих, чтобы такое время наступило и стали реальностью не традиционные стыдливые объяснения и оправдания по поводу очередного неудавшегося исторического зигзага, а освещение будущего с построением его возможного сценария, необходимо экономистам осознать, что их представления о производственно-технологических изменениях, о социальных взаимосвязях и природе человека слишком ограничены. Действительно, нельзя же не замечать ухода с исторической арены традиционных отраслей и возникновения принципиально новых машин и технологий, произошедших изменений в структуре капитала, поистине фантастических возможностей в сфере информационного и товарного обмена, возникновения иных, более сложных мотивов поведения людей, роли последних во всем производственном процессе.

В-четвертых, обращение к классическим основам той или иной науки может быть полезно и необходимо даже не в смысле поиска новой оригинальной идеи, подсказывающей ответ на вопросы современности, а в смысле проверки этой

¹ Fourastie J. Le grand espoir du siècle. Paris, 1958, s. 25.

² Ekins P. The Living Economy. A New Economics in the Making. N. Y., 1986, p. 1.

¹ Леонтьев В. Экономическое эссе. М., 1990, с. 90.

идеи и предлагаемого для ее обоснования набора аргументов на научную прочность, т. е. обращение к своеобразному детектору на истину.

Жизненность и прочность классической экономической доктрины объясняется, прежде всего, правильным пониманием ее авторами предмета и роли политэкономии в социокультурном развитии, удивительно гармоничным сочетанием объекта исследования со всеми его элементами (начиная от структуры и форм общественного богатства до ... его распределения), с освоенным на тот период методом и системой категорий, каждая из которых приобрела свое место и назначение. Но заслуженная оценка классической модели может быть верно понята и принята лишь при условии восприятия того, что традиционно остается за «кадром» — назначением и ролью в этой теории таких неэкономических факторов, как мораль, нравственность, традиции, сложившиеся связи и устои общества, политика, право, религия, культура и т. п. Важность вышеназванных факторов с точки зрения влияния их на смитовскую парадигму экономической науки трудно переоценить, но иногда невозможно разглядеть, особенно сейчас, за большим обилием исторических и экономических фактов, часто превращающихся в непоколебимые мифы через призму непогрешимых академических иллюзий, иногда скрывающихся за удобными математическими формулами и графиками. Иначе говоря, поиск решений по животрепещущей как для всего мира, так и для нашей республики проблеме экономического роста лежит не в плоскости традиционных экономических факторов, а за их пределами, обозначенными как институциональные факторы. Последние также имеют свою классификацию, особенности механизма проявления и управления, свой спектр влияния и движущие силы, степень результативности и надежности с точки зрения будущего системы со всеми ее элементами.

Конечно, легче всего ожидать от конкуренции положительного результата, рассуждая о разного рода «эффектах» и «предпочтениях» «саморегулирующейся системы», что стало у нас массовым явлением. Но недоумение вызывает то, что при всем обилии литературы, в которой с завидным постоянством и на протяжении веков хранится верность этому экономическому феномену, за исключением, пожалуй, работ К. Маркса и Й. Шумпетера, вряд ли где еще можно найти глубоко обоснованный механизм действия конкуренции, наглядно подтверждающий и доказывающий на языке экономических категорий, а не посредством ссылок на Ч. Дарвина, его результативность, особенно применительно к условиям «постиндустриального», «посткапиталистического», «информационного» общества, активно использующего нетрадиционные технологические уклады 5-го и 6-го уровней.

Как известно, экономический прогресс самым тесным образом связан с разделением труда и специализацией. Негативные стороны этого процесса были отмечены еще П. А. Кропоткиным. В сфере идеальных форм, к которым, безусловно, принадлежит и экономическая наука, специализация также активно проявила себя, что обусловило расчлененность знания об экономике, природе и обществе. Специализация в экономической науке на новой теоретической основе по школам, отраслям, сферам деятельности и т. п. началась, по существу, с классической школы, которая возникла как синтез предшествующих теоретических идей. Цельность знания стала серьезной проблемой, порождающей не только неиссякаемые дискуссии, но и весьма серьезные катаклизмы и коллизии в практике. Последние, если уж не считать самых сильных экономических потрясений, довольно часто не признаются в качестве истинности или заблуждений той или иной школы. В силу этого, а также при возможности саморазвития любой идеи на формально-логической основе самым устойчивым и, может быть, самым настойчивым по привлечению к себе внимания в последние десятилетия является неоклассическое направление с его монетарной интерпретацией.

Трудно понять, почему именно монетарные идеи были приняты в качестве основы экономической политики реформируемых государств, среди которых находится и наша республика. Видимо, в силу их очевидной абсурдности и непонимания природы этих идей самими отцами-реформаторами. Но еще Дж. Хикс отмечал ограниченный характер монетаризма: «Наши проблемы носят в настоящее время не просто денежный характер и не могут быть решены с помощью монетаристских методов¹. Возможно, таким образом, предполагалось развить теорию о бесклассовом обществе, в строительстве которого большинство «реформаторов» раньше принимало самое активное участие, потому что основу неоклассической концепции, как ни парадоксально, образует именно предположение о бесклассовом обществе, что принципиальным образом отличает это направление от классической политэкономии. Обращаясь еще к таким авторитетам, как Дж. М. Кейнс, необходимо заметить, что последний также неоднократно подчеркивал вред, а для депрессивных ситуаций и пагубность использования денежно-кредитных инструментов. Наша экономическая ситуация требует по крайней мере хотя бы задуматься о теоретическом основании проводимой экономической политики. Естественно, это привело бы к значительно меньшему количеству партий, оппозиций, пустых дискуссий.

Если оценивать с позиций социально-экономического прогресса в его современном понимании практическую значимость консервативной ветви неоклассической школы, которая, как никакая другая, претендует на исключительную значимость в экономической науке, то без преувеличения можно сказать, что человечество достигло нынешнего уровня развития не благодаря, а вопреки этим идеям, проявляющим удивительную невосприимчивость не только к открытиям других наук и иных экономических школ, но и игнорируя суть происходящих вокруг изменений. «Варясь в собственном соку», предлагаются самые изощренные, но не наполненные реальным экономическим содержанием, инструменты анализа. Примеров здесь более чем достаточно.

Последним и самым характерным может быть пример явно неудачного использования политики либерализации и монетаризма в таких странах, как США, Англия, других развитых странах. Здесь обнаружила себя удивительная ситуация экономической стагнации с ростом на первоначальном этапе прибылей, обеспечивающихся не в результате роста производства (поскольку произошло сокращение и государственных и частных инвестиций), а в результате

¹ Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. М., 1993, с. 90.

финансовых спекулятивных операций. Поэтому в этих странах надежды на повышение деловой активности возлагают, так же как и у нас, на внешние инвестиции, в частности на уже работающий и достаточно хорошо зарекомендовавший себя японский капитал, и традиционно без особых комментариев и аргументов на абстрактную конкуренцию. А еще – на чисто социалистическую меру: поддержку банковской системы из различного рода общественных фондов денежными ресурсами. Иначе говоря, доходы приватизируются, а расходы национализируются – чем же не новое общество?..

На наш взгляд, в обращении к конкуренции как своеобразному экономическому локомотиву присутствует или элемент лукавства, вызываемого известными слабостями человеческими, или неосознанного заблуждения, ставящего под сомнение, как возможности науки, так и способности человека на заранее согласованной основе рациональным образом координировать свои действия и, таким образом, оптимизировать весь спектр отношений и взаимопереплетающихся интересов индивидуумов. Но нельзя же не замечать того, что в экономике сложилась весьма противоречивая ситуация между финансовой сферой и остальными секторами производства явно в пользу первой, когда деньги начинают и выигрывают безо всякой конкуренции. Кроме этого, в силу ряда причин из конкурентной среды выключаются такие отрасли, как сельское хозяйство, наука и образование. Весьма специфично проявление конкурентных сил в медицине, отраслях инфраструктуры. Скажем так, ученый, учитель, врач могут конкурировать лишь между собой, а не с торговцем, работниками сферы услуг или занятыми в сельском хозяйстве. Слишком разные сферы деятельности у них, которые определяют старт конкуренции, силу и время оборота капитала.

Однако все это говорится не ради умаления заслуг одних позиций, взглядов, школ и восхваления других. Человечество с его эгоистическим «экономическим интересом» (*homo economicus*) со времен А. Смита накопило слишком много сверхактуальных проблем, чтобы будущее уже даже одной страны отдавать на волю случая, конкуренции и «рациональных ожиданий», придавая без тени сомнения всему этому респектабельный научный вид со ссылками на результативность. Для раздумий по поводу эффективности экономики «цивилизованных стран» можно привести несколько любопытных цифр. Например, индустриально-развитые страны, имея около 20 % населения земного шара, используют почти 70 % всех ресурсов земли и производят 80 % всех загрязняющих веществ. При этом только США при 5 % населения используют около 40 % мирового объема добывающих ресурсов и выбрасывают в окружающую среду почти 50 % всех мировых отходов. Производство же одного стакана молока на Западе обходится в полстакана бензина.

Не подтверждается также никакими статистическими данными, ни самой жизнью известный тезис неоклассической школы о воздействии конкуренции на снижение цен. Правда, если что и снизилось за последние годы, так это реальные ставки заработной платы на рынке труда, темпы экономического роста и общий уровень жизни в странах, которые активно применяли у себя методы монетарной политики и либерализации. Поэтому эти и другие аргументы если и не убедят, то позволят хотя бы усомниться в универсальной значимости ортодоксального направления в экономической мысли, потому что неоклассический экономический романтизм конца нынешнего столетия, вскормленный ортодоксальным европейским прагматизмом и наполненный американским долларовой содержанием, имеет лишь определенный ограниченный сектор экономики с его соответствующим уровнем и сферой. Справедливо ради надо отметить, что анализ на уровне фирмы не только возможен, но и крайне необходим. Но его разрешающая способность, т. е. всесторонняя научная обоснованность без искажения действительности, и практическая значимость увеличиваются только после «выяснения позиций» на международном и национальном макроэкономическом срезе. В противном случае это будет оригинальная, не лишенная логико-математической замысловатости гимнастика ума, на которой, пожалуй, и закончится ее научная значимость и практическая применимость.

Однако из этого вовсе не следует хотя и распространенный, но весьма упрощенный вывод типа: «...если свободная конкуренция уже не может, то государство должно и обязано...». Дело в том, что прежде чем наделять некое государство распорядительно-регулирующими полномочиями, необходимо помнить об ограниченных возможностях института государства. Традиционно в силу своего естественного положения государство возлагает на себя значительно больше полномочий, чем способно «переварить», присваивая себе права и победы, отдавая «этому» народу обязанности и ответственность за свое руководство. Как политический элемент общественной системы государство всегда имело и имеет завидную и устойчивую тенденцию к обособлению с явно выраженными эгоистическими интересами и мотивами поведения, маскируя и часто выдавая их за «государственные, национальные интересы». С юридической точки зрения четкого критерия между ними практически не существует, хотя в каждом государстве существуют законы о государственной измене, коррупции и т. п.

Истории известны также многочисленные факты, когда силой государственной машины создается крайне малоэффективная экономика со всеми вытекающими отсюда последствиями для абсолютного большинства населения. Тем не менее она обеспечивает расточительный образ жизни государственных чиновников и еще совсем незначительной, очень пестрой по составу части населения страны из среды ученых, независимых журналистов и политиков, деятелей культуры и искусства, работников профсоюзов, персональных пенсионеров, которых устраивает такое положение вещей по вполне понятным причинам. Декабристы появятся, возможно, потом, после того как на поддержание «стабильности экономического кризиса» уже не хватит никаких политико-правовых мер, ресурсов, времени и сил для репрессий. Страны, упустившие момент необходимых обновлений еще в 50-е гг., сегодня обеспечили для себя невыигрышную ситуацию на мировой арене по многим параметрам.

Поэтому в новой формирующейся концептуальной основе экономической науки конца XX в. должны быть не вопросы чистой экономической теории, а *фундаментальные проблемы природы, общества, экономики с соответствующей методологией и системой категориального аппарата*. Ряд «традиционных» и новых для этой науки вопросов вольно или невольно, но уже получил некоторое свое освещение. В иных же престижных вузах, призванных готовить нестандартно мыслящую правящую элиту, немалое число актуальных и современных, но характерных именно для политэкономии проблем, прочно вошло уже в учебные курсы, хотя и под абсолютно разными названиями. Тем более

что в мировой практике сложилась, может быть, еще не совсем окончательно, но именно такая ситуация, когда между группами стран распределяются роли и функции. Например, *первая известная группа стран* занимается формированием политики на глобальном уровне, выступает законодателем и распорядителем финансов, производством и аккумуляцией знания, информации, выработкой технологии, производит некоторые весьма значимые материальные элементы основного капитала. Бесспорно, что широко распространенные учебные курсы типа «экономикс» с разной степенью их освоения могут выступать лишь как арифметика экономики, что, конечно, явно недостаточно. *Вторая группа стран* обеспечивает производство вспомогательных элементов основного капитала и товаров массового потребления. *Третьей же группе стран* история оставляет лишь роль поставщика сырья, дешевой рабочей силы и региона сбыта морально устаревших и не совсем качественных товаров. Естественно, как вторая, так и третья группы стран могут выступать пользователями, где-то даже создателями соответствующих сфер экономической информации и знания, необходимых для безупречного выполнения своих функций.

Понимание последнего положения представляется особенно важным для освоения западной экономической науки на постсоциалистическом теоретическом пространстве, чтобы, отличив действительно научное достижение от массового поп-знания, наладить у себя в стране соответствующую подготовку квалифицированных специалистов, а не пропагандистов-черносоптенцев, «приобщающихся к мировым достижениям» теории за две-три недели с адекватным поведением на товарном рынке или на ниве государственного управления.

Осознание своей роли каждым государством, каждым народом позволило бы сконцентрировать интеллектуальные и природно-экономические возможности для выхода на более значимую и приемлемую позицию, а не возмущаться «происками» Запада. Народы Западной Европы, если и не любят, то уважают достойных и понимающих партнеров, созидающих не только материальный продукт, но и полезную информацию.

Следующим направлением приведения экономической науки в соответствие с современной изменившейся реальностью, требующей адекватного восприятия настоящего и верного прогноза сценария будущего, выступает *проблема получения синтезированного целостного знания*. Оно добывается как средой традиционно сложившихся в экономической науке специализаций, школ и направлений, так и широко выходящими за ее пределы науками. Обычно экономисты ведут диалоги, эмоциональность которых, как правило, обратно пропорциональна весомости выдвигаемых аргументов, в достаточно привычных понятиях неоклассиков и неокейнсианцев, теории марксизма и институционализма, некоторых интерпретаций их крайних позиций. Однако при этом игнорируются достижения в области естественных и технических наук, чем обедняется широко применяемая категория «производительных сил», упускаются из вида по разным причинам результаты исследований уже получивших самостоятельный статус таких наук, как экономическая психология, социология, управление, макроэкономическое планирование и моделирование и т. п. Агрегированный же цельный взгляд необходим прежде всего для того, чтобы исключить в условиях глубокой специализации наук односторонность познания сложнейшего объекта, каким является экономическая система. Лауреат Нобелевской премии М. Алле подчеркивал: «Как физика нуждается сегодня в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой механики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей»¹.

Еще в конце прошлого века психологами было установлено, что объект в целом не может быть правильно объяснен с позиций отдельно воспринимаемых его составных элементов, как, например, аккорд в музыке. Это явление чем-то подобно дефекту массы в физике, проявляющемуся в разнице суммы энергии связи структурных частей и целого тела. И чем больше дефект массы, тем выше энергия связи и тем устойчивее ядро. В контексте наших рассуждений можно сделать вывод, что сложный мир сложившихся устойчивых взаимосвязей как на национальном, так и на международном уровне невозможно правильно отразить ни одним направлением современной экономической науки, ни даже их суммой, не получив так называемого «дефекта знания». Следовательно, и в прогнозе будущего, а тем более в принятии решения и выборе мер по предотвращению неприемлемых сценариев во избежание фатального исхода всегда существует немалая доля погрешности, если не грубой ошибки. Она может быть значительно снижена в рамках науки, если исключить в целом самонадеянность человека и ученых, а особенно присущее экономистам свойство иметь весьма высокое мнение о том, что они делают сами и пренебрегать результатами не только смежных наук, но и деятельностью даже своих коллег по профессии. В противном случае природа не потерпит пустоты, заполняя ее, что уже весьма активно и происходит на самом деле, разного рода далеко не безобидными астрологическими прогнозами и предсказаниями гадалок, которые будут кому-то выгодны. Ведь мы не согласны с прошлым, нам не нравится настоящее, но еще более ужасает неизвестность нашего будущего. Сделать будущее более предсказуемым и лучшим экономическая наука не только должна, но и может, если, не рядясь в тогу надменного пророка, но и не посыпая себе голову пеплом, она осознает свое истинное предназначение и обнаружит свои внутренние проблемы и противоречия, заключив тесный союз с практикой. Ведь влияние на судьбу народа верных или ложных идей, которые царят в обществе и так же трудно различимы, как шедевр от подделки, значительно большее, чем принято считать. Нам же в поисках гармонии жизни никогда не следует забывать мудрого совета древних, что в драме бытия мы являемся одновременно и актерами, и зрителями.

На специфику славянского мышления указывал в свое время еще Н. А. Бердяев: «Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не

¹ Алле М. Единственный критерий истины — согласие с данными опыта // МЭ и МО, 1989, № 11, с. 27.

претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей... Она (русская душа. - П. Л.) совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда ... впадает в идолопоклонство»¹. И действительно, как в России, так и в Беларуси, по сути, на протяжении всей своей истории первые влиятельные «образцы» мышления появлялись с Европы. Здесь все было бы ничего, поскольку технико-экономическая основа создавал такую необходимость и возможность отражать это в категориях, представленных в иных странах. Но нельзя впасть в идолопоклонство, потому что надо соблюдать единство общего, единичного и специфического.

Еще приведем длинную, но, как нам представляется, необходимую цитату Дж. Кейнса, которая рельефно отражает специфику экономического мышления и роль математики в этом процессе: «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы обеспечить себя *методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем*. Поэтому после установления предварительных выводов путем последовательной изоляции одного за другим усложняющихся факторов мы теперь должны вернуться к нашей исходной позиции и учесть, насколько это возможно, вероятные взаимодействия всех этих факторов. *Именно такова природа экономического мышления*. Любой другой способ применения формальных принципов познания (без которых, однако, мы заблудились бы как в лесу) привел бы нас к ошибкам. *Крупный дефект формализации экономического анализа с помощью псевдоматематической символики* (курсив наш – П.Л.) в том именно и состоит, что все эти построения явным образом исходят из допущения о строгой независимости введенных в анализ факторов, и они теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы. ... Слишком большая доля современной «математической экономии» представляет собой по существу простую мешанину, столь же неточную, как и первоначальные допущения, на которых она основывается, причем авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринтах претенциозных и бесполезных символов!» Это означает, что старт научному мышлению дает, прежде всего, методология или осознанный способ к изучаемому явлению. Второе, как говорил Г. Ф. Гегель, чтобы понять – надо это выразить в понятиях или категориях. Третья (но последняя) составляющая теории – это конструкция или отражение изучаемого объекта с помощью уже ставших известными категорий. И, конечно, необходимость количественных измерений создает условия для использования инструментария математики.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955.

¹ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978, с. 372-373.